

Б.Н. МИРОНОВ

Новая апология истории

(Размышления над книгой

О. Медушевской)

Автор оценивает когнитивно-информационную теорию О. Медушевской как новую парадигму в науке, открывающую перспективу формирования доказательного гуманитарного знания.

Ключевые слова: историография, позитивизм, неокантианская парадигма, постмодернизм, информационная теория.

The author estimates O. Medushevskaja's cognitive-information theory as new paradigm in a science, opening prospect of formation of demonstrative humanitarian knowledge.

Keywords: a historiography, positivism, a Neokantian paradigm, postmodernism, information theory.

В методологии истории существуют три главные парадигмы. *Первая* – натуралистическая, или позитивистская, господствовавшая в историографии до конца XIX в., рассматривает историческую науку наподобие естественных наук и совместно с науками о природе и науками о жизни должна разрабатывать общие критерии системности, точности и доказательности нового знания (натурализм, рационализм, позитивизм, марксизм, школа исторического синтеза, структурализм). Парадигма ориентирует исследователя на поиск точного знания и закономерностей в историческом развитии. *Вторая* – антинатуралистическая, или неокантианская, парадигма, доминировавшая в историографии большую часть XX в. вплоть до 1970-х гг., утверждает, что исторический процесс состоит из уникальных событий и явлений, не подчиняющихся какому-либо закономерностям. История как идиографическая наука должна заниматься повествованием, изучать только особенное и индивидуальное; отвлечение от индивидуального и обращение к общему лишает историографию всякого смысла. Данная парадигма ориентирует исследователя на познание индивидуальных исторических фактов и предостерегает от поиска исторических закономерностей и законов. Однако у представителей обеих парадигм есть общее: они в той или иной степени признают объективность исторических фактов, детерминированность исторических событий и явлений, истинность исторического познания, идею развития, а многие – и идею прогресса.

Третью парадигму, широко распространенную в последней трети XX в., предложили постмодернисты. Их методологические концепции получили различные названия – “постструктурализм”, “лингвистический поворот”, “археология или генеалогия знания”, “интерпретация текстов”, “объяснение посредством построения сюжета” – и объединили разных ученых: Ж. Дерриду, М. Фуко, Г. Гадамера, Р. Рорти, Х. Уайта.

Согласно этой парадигме мир рассматривается как хаос, лишенный причинно-следственных связей и ценностных ориентиров. Наиболее адекватное постижение исторической действительности не достигается методологией, опирающейся на систематически формализованный понятийный аппарат логики с ее строгими законами взаимоотношения посылок и следствий. Оно скорее доступно интуитивному поэтическому мышлению с его ассоциативностью, образностью, метафоричностью и мгновенными откровениями. Сознание каждого индивида обусловлено социально, классово, идеологически. История – текст, а не объективная реальность, она не существует вне и независимо от нас. Исторические факты и их репрезентации субъектами истории и историками следует рассматривать с точки зрения лингвистических “протоколов”, в которых они отразились. Данная парадигма рекомендует по возможности избегать количественных данных; не использовать методологию современных социальных наук и тем более естественных наук; интерпретировать изучаемые явления в понятиях и нормах, свойственных людям изучаемого времени; не объяснять изучаемые явления, а описывать отдельные эпизоды и события.

Постмодернистская парадигма, хотя и содержала некоторые позитивные идеи¹, вынесла *историю как науку* смертный приговор. Вместо создания объективной картины исторического процесса, основанной на научно добытых фактах, постмодернизм ориентирует исследователей на конструирование прошлого из фрагментарных и субъективных интерпретаций текстов, призывая уделять главное внимание обыденным ритуалам, рутине, манере общения, идентификации, словом, символизму повседневной жизни [Spiegel, 2007; Дунаева, 2009]. Постмодернистскую парадигму даже в пору ее расцвета не разделяли большинство историков ни на Западе, ни на Востоке. Одни историки (меньшая часть) использовали постмодернистскую парадигму, чтобы открыть неизученные аспекты прошлого, другие расценили подобные попытки как бессмысленные и шарлатанские, третьи (их большинство) отнесли к подобным новациям скептически и продолжали работать в традиционных парадигмах. Однако влияние постмодернизма на Западе было велико (посмотрите, например, содержание журнала “Slavic Review” за 1990-е–начало 2000-х гг.); парадигма подтачивала историческую науку изнутри. В Россию постмодернизм пришел с опозданием, интерес к нему в 2000-е гг. повышался, в то время когда на Западе он уже падал, вследствие чего не сыграл важной роли в историографии, хотя до сих пор рассматривается некоторыми отечественными историками как последнее слово науки.

На Западе отрезвление от “чар” постмодернизма началось на рубеже XX–XXI вв., когда было осознано, что под его влиянием историческая наука превращается в полипарадигмальную дисциплину, в рынок идей, регулируемый спросом и предложением со стороны государства, крупных добровольных ассоциаций и бизнес-корпораций, что методологическое разнообразие подходов, имеющих якобы равную ценность, размывает классические стандарты профессиональной деятельности. Возрастающее число часто некомпетентных исторических исследований (как заметил И. Кон, сейчас писателей стало больше, чем читателей), различные историографические школы превратили прошлое в множественное прошлое, зависимое от идеологических и методологических пристрастий. Лишь в массовом историческом сознании можно обнаружить некое общее прошлое, да и в нем оно у разных поколений иное. Некоторые современные западные теоретики назвали постмодернизм “охотой за призраком” и провозгласили новый поворот к классической методологии истории. “Основная тенденция историописания и теории истории в двадцать первом веке, – полагает, например, Е. Клейнберг, – это возврат к фактам, приоритет аутентичного восприятия мира, ценность доказательств. Все признаки показывают, что время постмодерна прошло, линг-

¹ Важнейшие из них: прошлое не является зафиксированной в источниках объективной реальностью, которая должна быть бесстрастно описана историками; прошлое создается самими историками, оно приобретает смысл только тогда, когда получает отражение в научных трудах историков; источники не только хранители документальной информации (“окна в прошлое”), они должны восприниматься как тексты, созданные в определенных системах значений и притом редко однозначных и бесспорных.

вистический поворот остался далеко позади, и все призраки изгнаны из исторической профессии”. Историография возвращается на твердую почву фактов, позволяющих судить об истинном и ложном, правильном и неправильном, добре и зле. Солидное эмпирическое основание вновь стало не просто хорошим тоном, а категорическим требованием для серьезного научного исследования, претендующего на академичность [Kleinberg, 2007, p. 114; Дунаева, 2009, с. 9–11].

Если натуралистической и антинатуралистической парадигмам уделено в книге О. Медушевской “Теория и методология когнитивной истории” (М., 2008) много места (собственно третья глава), то постмодернистской – всего шесть страниц (с. 231–236). Говоря о постмодернизме, она предпочитает пользоваться словом “постструктурализм”. Но постструктуралистско-деконструктивистско-постмодернистский комплекс един, в нем постструктурализм составляет “общеметодологическую основу”, на базе которой представители разных направлений постмодернизма “выстраивали свои концепции, отличающиеся фактически лишь сменой исследовательских приоритетов, иными идейно-эстетическими ориентациями и более практическим характером анализа” [Ильин, 2001, с. 230–231; Руднев, 2001]. Автор упоминает Фуко в связи с введением им “содержательного понятия дискурса” (с. 231); признает большую эвристическую ценность популярного и важного у постмодернистов понятия “деконструкция” как метода получения из текста “информации больше, чем это возможно при повседневном, поверхностном чтении” за счет проникновения “в глубинные слои информационного ресурса” (с. 232). Медушевская настроена решительно против постструктурализма и, следовательно, постмодернизма, поскольку он отрицает саму возможность получения точного гуманитарного знания, и пользуется “наивными” приемами, в том числе описательным (“нарративистским”) способом представления исторического знания, который “в принципе не является оптимальным для целей научной информации” (с. 236). Книга, на мой взгляд, – острая российская реакция на постмодернизм и марксизм одновременно, хотя постмодернизм как экстремальная разновидность антинатуралистической парадигмы и марксизм как крайнее выражение натуралистической парадигмы принципиально противоположны и несовместимы.

В методологии истории Медушевская отстаивает *феноменологический* вариант натуралистической парадигмы. В чем его суть и новизна?

Свою теорию она назвала “*когнитивной историей*”, хотя, на мой взгляд, название “когнитивно-информационная” полнее отражает ее суть². Термин “когнитивность” (от лат. *cognitio* – познание, изучение, осознание) обозначает способность к умственному восприятию и переработке внешней информации, а также сам акт познания или само знание. Медушевская интерпретирует “когнитивность” в культурно-социальном смысле как появление и становление знания и концепций, выражающихся в поведении или действии людей. По ее мнению, в центре внимания исторической науки находится *человеческое мышление* (не деятельность, а мышление!). “Когнитивная история – наука о человеческом мышлении, которое проявляет себя созданием интеллектуального продукта вовне, созданием информационного продукта своей целенаправленной деятельностью” (с. 353). *Объект* когнитивной истории, доступный непосредственному наблюдению, – интеллектуальные продукты человеческой деятельности, а вся их совокупность – *макрообъект*. *Предмет* – “человеческое мышление как особый феномен”, как “процесс, в ходе которого человеческий интеллект создает адекватный своему уровню продукт” (с. 128–129). “*Цель* когнитивной истории – воссоздать в первозданной целостности то (историческое. – Б.М.) явление, которое нашло воплощение в некотором вещественном продукте” (с. 14). “История есть *знание* (курсив мой. – Б.М.) о человеке, его деяниях и событиях, с которыми эта деятельность каким-либо образом связана” (с. 15).

² Такое название предложил А. Медушевский (см. [Медушевский, 2009]). Участники круглого стола по книге О. Медушевской, за исключением В. Муравьева, предпочитали называть ее когнитивной концепцией или теорией.

Цепь логических рассуждений, приведших к столь необычной формулировке объекта и предмета исторической науки, такова: поведение и все результаты деятельности человека обусловлены его мышлением; наши предки оставили следы – интеллектуальные продукты, или “вещи”, которые возможно правильно интерпретировать, только поняв особенности их мышления. Разум воплощает результаты мышления в “вещи”; он познаваем в принципе, поэтому и его интеллектуальные продукты также познаваемы в принципе. Все разнообразные виды источников, дошедших к нам из прошлого, – это тот информационный ресурс, с которым работает историк. На основании понимания природы различных источников информации и применения четких аналитических процедур при работе с нею, что обеспечивает источниковедение, можно получать новое точное научное знание (с. 13).

Таким образом, когнитивная история ставит во главу угла познание прошлого посредством анализа интеллектуальных продуктов деятельности человека, зафиксированных в исторических источниках. При таком понимании историческая наука оказывается “в пространстве когнитивных наук”, изучающих переработку информации живыми и искусственными системами (с. 12), куда входят когнитивная психология, философия, логика, социология, историческая антропология, гносеология, лингвистика, компьютерные науки, теории искусственного интеллекта, нейропсихология и другие. При этом первое место принадлежит истории: “Есть лишь одна наука, объектом рассмотрения которой в принципе является весь человеческий род, от его начала до современности, в его эволюционном и глобальном единстве. Эта наука – история, ее объект мыслится как адекватный человечеству. Исторический процесс – и есть время и место реализации человеческого мышления и поведения как универсального явления. Следовательно, лишь при условии привлечения исторической науки когнитивистика может получить адекватный своим целям объект” (с. 8–9).

Медушевская не усматривает принципиального различия не только между историей и другими когнитивными науками, но также и между естественно-научным и социогуманитарным знанием. По ее мнению, науки о природе изучают принципиально познаваемый природный мир, науки о жизни – принципиально познаваемый вещественный мир живого (с. 9); а история, как и другие когнитивные науки, – принципиально познаваемые продукты интеллектуальной деятельности, опираясь на единые аналитические процедуры (чтобы подчеркнуть методологическое единство истории и естественных наук, она называет интеллектуальные продукты “вещами”). При этом продукты человеческой деятельности и природные феномены познаются одинаковым способом. Все науки объединяет феноменологический подход, исходящий из того, “что в мире существует системность, взаимосвязанность, которую исследователь как раз и стремится открыть. Главная задача научного метода состоит в том, чтобы за внешними проявлениями выявить имманентный порядок вещей, реальную сеть отношений и взаимозависимостей” (с. 14). “Три составляющих научного знания: творческая новизна, логическая доказательность и логически представленная системность его включения в информационную картину мира” – в одинаковой мере присущи и естественным, и когнитивным наукам (с. 15).

В то же время, если предмет исторической науки – мышление, а оно работает по строгим биологическим законам, значит в историческом процессе должны существовать закономерности и законы, а если между когнитивными и естественными науками нет принципиальных различий в методологии, значит историки могут постичь эти исторические закономерности и законы. Отсюда следует, что целью историков должно стать познание не только исторических фактов, процессов и явлений, имевших место в прошлом (с. 17–18), но и законов и закономерностей исторического развития. Этого вывода автор не делает, но он логически вытекает из ее концепции.

Медушевская называет свою теорию также “*феноменологической историей*” (с. 342). *Феноменологический* подход состоит в том, чтобы, во-первых, отказаться от сведения сложного к простому или высшего к низшему и описать вещи такими, какими они проявляют себя, то есть описать их как феномены; во-вторых, человеческая

деятельность трактуется как материализованный результат человеческого мышления. Основной принцип феноменологии – “к самим вещам”, требует от исследователя преодолеть предрассудки и предвзятые мнения, освободиться от привычных установок и навязываемых предпосылок, отстраниться от методологических шаблонов и клише и обратиться к первичному, изначальному опыту сознания, в котором вещи предстают не как предметы уже имеющихся теорий, точек зрения, установок, не как нечто, на что мы смотрим глазами других, но как нечто, что само раскрывается перед нами. В соответствии с феноменологическим подходом автор утверждает “информационную самоценность интеллектуального продукта (он называется также произведением, или вещью. – *Б.М.*) как реализованного феномена со своей дискретностью и структурированностью” (с. 341). “Преобразование энергии мышления в материальный образ, в эмпирическую данность, имеющую устойчивое (неизменное) состояние, есть ключевой момент человеческого типа мышления. Таков собственно человеческий, универсальный когнитивный феномен. Идея преобразуется в материальный образ, становится самодостаточным объектом... Интеллектуальное событие переводится из сознания в реальность, потому что процесс мышления продолжается, а овеществленный маркер остановленного мгновения приобретает самостоятельное существование” (с. 333).

“Понимание чужого сознания (в том числе наших предков. – *Б.М.*) выстраивается не через традиционное (для герменевтики) субъективно проведенное сравнение со своим сознанием (вернее, со своим представлением о собственном сознании), но через научное сравнение с общей моделью творческого поведения”, благодаря чему “произведение предстает таким, каким было задумано и сформировано – всегда достоверным в главном – как явление своего времени, как выражение мышления, общих правил и индивидуальных способов и приемов его преобразования в реализованный продукт” (с. 283). Научное изучение истории на основе феноменологической методологии позволит выявить различные модели человеческой деятельности, обусловленные разными способами человеческого мышления. Кратко остановлюсь на содержании отдельных глав.

Книга отличается строгой логической структурой и высоким уровнем концептуализации. История как когнитивная наука рассматривается в ней в трех аспектах: теоретические основания; эпистемологические проблемы и методология; преподавание. Исследование идет от формулировки наиболее общих понятий когнитивной истории – через обоснование феноменологической методологии для получения нового точного научного знания – к образовательным стратегиям и формированию новой образовательной модели истории как университетской дисциплины.

В *первой* главе, названной “Феномен человека”, он определяется через присущую ему способность объективировать свою творческую деятельность в интеллектуальных продуктах (“произведениях” или “вещах”) и создавать систему опосредованного информационного обмена. Автор аргументирует точку зрения, согласно которой феномен человека, реализующий себя в универсальной стратегии творчества, – общая предметная область всех когнитивных наук, а исторический процесс – базовый параметр для осмысления феномена человека, история же как наука – обязательный отдел всего научного “здания”.

Во *второй* главе “Опосредованный информационный обмен” рассматривается ключевое в феноменологической методологии понятие “информация”. С информационной точки зрения, феномен человека – еще более высокая, уникальная система усовершенствованного информационного механизма; всю информацию, которую данная живая система преобразует в идеи и представления, она способна сохранить (с. 259). Исторический источник понимается как информация о прошлом. Вводится понятие информационного обмена интеллектуальными продуктами человеческого сознания (чаще всего имеющих вещественную форму), который присущ человеку с момента превращения его в человека разумного. В современном обществе обмен лишь ускорился и получил новые возможности. И поскольку природе, жизни и человеку всегда было присуще некое универсальное единство и упорядоченность, то прошлое и насто-

ящее представляют единую информационную сферу. Отсюда – вывод о возможности объективного знания о прошлом.

В *третьей* главе “Источниковедческие стратегии” рассматриваются феномен “исторического источника” и становление науки о нем. Уровень развития методологии, по убеждению автора, – “индикатор состояния той или иной науки, состояния научного сообщества”, соответственно, степень развития методологии исторического исследования, или источниковедение, – показатель развития исторической науки. Актуальность данной проблемы Медушевская видит, в частности, в том, что “сложилось наивное убеждение, что историей (в отличие, например, от математики и биологии) может заниматься каждый на основании своих общежитейских представлений” (с. 148). Она последовательно рассматривает три ключевые вехи в истории исторического знания за рубежом и в России: возникновение нового понятия “критика источника” в первой половине XIX в., появление теории и методологии источниковедения во второй половине XIX–начале XX в. и структуралистские исследования XX в.

Прогресс исторической науки связан, по мнению Медушевской, с развитием структуралистского подхода. «Структурализм надеется разглядеть реально существующую систему, связи частей единого целого, в процессе функционирования которого вырисовываются непосредственно наблюдаемые устойчивые отношения между элементами структуры. Выявление таких устойчивых структур – первый шаг, за которым должно следовать обнаружение механизмов, вызывающих появление этих устойчивых структур, а значит, открывается возможность понять “порядок вещей”, по правилам которого функционирует система. В результате знание обещает быть точным, поскольку структуры можно наблюдать неоднократно, проверяя свои гипотезы и постоянно совершенствуя логику интерпретаций их внутренних механизмов. Такова общая идея, состоящая в достижимости точного, доказательного и, следовательно, открывающего новые возможности гуманитарного знания... Реализовать на этой основе соответствующие теории и претворить их в научную практику удалось лишь структурной лингвистике». Для исторической науки – это дело будущего; решающую роль тут будет играть “структурно-функциональное структуралистское направление в источниковедении” (с. 207–208).

В *четвертой* главе “Объект и метод исследования” анализируется структура объекта когнитивной истории как эмпирической науки. Автор последовательно рассматривает историю вопроса об объекте и методах исследования в когнитивных науках и оценивает современное состояние общегуманитарного знания. Затем обращается к анализу видов интеллектуального продукта, представленных в информационной системе действующего сообщества, доказывая, что все их виды в любой из когнитивных наук обладают общностью структуры и потому принципиально познаваемы: «Индивид создает некий продукт по универсальной “схеме” (своего рода аналогии универсальной способности к речи), благодаря чему возникает возможность понять другого по аналогии с самим собой» (с. 225). Наконец, объясняет и анализирует основные понятия когнитивной истории и предлагает методику анализа интеллектуального продукта. Установление смысла, который имело создание интеллектуального продукта, или произведения, требует ответа на *пять* вопросов: 1) “пространственно-временные координаты (время и место) создания произведения”; 2) “базовые параметры информационной системы, в рамках которой действовал его автор”; 3) “социально-психологические условия формирования индивидуальной картины мира” автора; 4) “иерархия функционирующих систем, по нормам и правилам которых он (автор. – *Б.М.*) существовал в своем сообществе”; 5) “видовая структура созданного им произведения” (с. 282). Их решение имеет целью понять “сложную многоуровневую конструкцию намеренных и ненамеренных свидетельств, из которых сложился информационный ресурс произведения, полнота данных и степень их достоверности” (с. 283). Наша историческая картина мира может меняться и в этом смысле быть доступной различным интерпретациям, однако источниковедение – строгая наука, поскольку критерии доказательного и точного знания неизменны.

Впечатляет представленный в книге глоссарий когнитивной истории. Кроме пространного специального параграфа в четвертой главе (с. 269–287), в книге имеется указатель, в котором насчитывается 71 понятие (с. 345–358). Необходимо отметить, что понятийная система когнитивной истории характеризуется не столько новыми терминами, сколько уточненными и унифицированными понятиями, уже имеющимися в других науках. Однако встречаются и новые термины, ранее не использованные в научных исследованиях, например “информационный магнетизм” для обозначения присущего индивидууму свойства “воспринимать информационный ресурс, заключенный в интеллектуальных продуктах, созданных другим человеком, раскодировать его и включить в свою *информационную картину мира*” (с. 350). Мы встречаемся с оригинальными формулировками таких базовых понятий, как “вещь” (с. 29), “вид”, “видовая компаративистика” (с. 346), “интерпретация”, “информационная картина мира”, “информационная сфера” (с. 349–350), “историческая критика”, “источник”, “источниковедение”, “когнитивная история” (с. 351–352), “нарратив” (с. 354), “структурный источниковедческий метод” (с. 357). Отсюда видно, что Медушевская придавала большое значение формированию *категориально-понятийного аппарата* когнитивной истории, справедливо полагая, что выработка метаязыка описания – первоочередная задача науки.

В *пятой* главе “Историческое образование в условиях смены парадигмы” поднимается важный вопрос о подготовке профессиональных историков в университетах. Автор отмечает, что в современном историческом образовании доминирует повествовательная, или нарративная, логика передачи готового исторического знания, сопровождаемого оценочными суждениями, ориентированными не на обсуждение, а на усвоение его студентами на уровне памяти. Вследствие этого сложившаяся модель исторического образования ориентирует историка не на получение нового знания, но на создание традиционного повествовательного произведения; формирует у них репродуктивно-потребительский тип мышления (с. 291). Между тем в современных условиях более эффективно действует человек, способный предложить новое понимание смысла проблемной ситуации, поэтому необходим переход от традиционной парадигмы обучения к познавательной-развивающей парадигме образования, направленной на активизацию интеллектуальной самостоятельности студентов, на развитие у них логического, критического и рефлексивного мышления, а также творческих способностей.

* * *

Итак, Медушевская предложила научному сообществу историков новую теорию и методологию истории, которая вобрала в себя понятия, идеи, концепции и подходы многих теорий от позитивизма до постмодернизма, хотя ко всем своим источникам она относится критически. Автор вдохновлена успехами структурной лингвистики, которая, по ее мнению, первой (и пока единственной) из когнитивных дисциплин стала точной наукой (с. 240).

Через всю книгу красной нитью проводится концепция истории как строгой науки, отвечающей требованиям точности и верифицируемости научного знания. По мысли автора, историческое описание (нарратив), к которому обращены все претензии научного сообщества в “приблизительности” знания и “предварительной заданности” результата исследования, – прошлое исторической науки; ее настоящее и будущее – источниковедение, исследовательские стратегии которого позволяют реализовать принципы точности и верифицируемости. Она настолько уверена в научном статусе истории, что допускает возможность даже выводного знания, как это практикуется в точных и естественных науках.

Отстаивая научный статус истории, Медушевская вместе с тем указывает, что история может быть истинной наукой *при выполнении ряда условий*:

– история имеет реальный, доступный для наблюдения и повторных интерпретаций и, следовательно, стабильно существующий объект;

- история опирается на данные такого объекта, который охватывает человечество в целом, и выражает системообразующее свойство феномена человека (с. 10);
- эмпирически доступная наблюдению система человечества имеет устойчивые структурные единицы и функции, указывающие на правила, по которым система живет и развивается (с. 240–241);
- информационный ресурс достаточен для адекватного понимания интеллектуальных продуктов;
- историк-исследователь свободен от идеологических, политических, эпистемологических и другого вида пристрастий, то есть преодолел предрассудки и предвзятые мнения, освободился от привычных установок и навязываемых предпосылок, отстранился от методологических шаблонов и клише, он профессионально компетентен, полностью владеет научной методологией.

Если реальный объект истории действительно существует, то эксперимент и непосредственное наблюдение в истории возможны только фрагментарно. Критический эксперимент, то есть эксперимент, исход которого однозначно определяет, является ли конкретная теория или гипотеза верной, в истории невозможен. Охватить анализом все человечество как систему пока никому – ни индивидуально, ни коллективно – не удавалось. Внутренний мир человека в исторической перспективе настолько подвижен в пространстве и времени, а информационный ресурс настолько мал и субъективен, что выявление структурных единиц системы человечества и понимание ее функций – то есть фактически исторических законов, может быть *целью, мечтой*, вряд ли когда-либо реализуемой. Если к этому добавить, что знание, как постоянно подчеркивает Медушевская, носит интерпретационный характер, в то время как историк часто не обладает достаточными профессиональными навыками, не свободен от пристрастий и находится под прессом господствующих парадигм, общественного мнения, государственных структур и национальных интересов, то становится очевидным, что *автор постулирует идеальный тип исторического исследования и, соответственно, историка*. В этом меня убеждает собственный исследовательский опыт.

Много лет я изучаю феномены социальной и экономической истории почти так, как рекомендует Медушевская, – междисциплинарно, системно, структурно-функционально, с применением сравнительного и количественных методов, по возможности используя весь сохранившийся информационный ресурс и пытаюсь дойти до самой сути – до мышления, менталитета, картины мира исторических субъектов. Однако решение поставленной в исследовании проблемы никогда не бывало однозначным, не убеждало все сообщество историков и порождало или обнаруживало новые, нередко более глубокие и трудные вопросы. Кроме того, со временем обнаруживались новые источники и возникала потребность расширить информационную базу данных, анализ которой приводил к ревизии ранее полученных выводов. Например, долгое время, до начала самостоятельного изучения проблемы благосостояния, я разделял господствующее в отечественной и зарубежной историографии мнение о снижении уровня сельскохозяйственного производства и понижающемся вследствие этого уровне жизни российского населения в XIX–начале XX в. Но обращение к российским антропометрическим данным, никогда прежде не использовавшимся в историографии, заставило меня пересмотреть эту точку зрения. Более того, промежуточные результаты расчетов все время уточнялись благодаря увеличению базы данных и совершенствованию методики их анализа.

Достаточно ли информации, дошедшей до нас из прошлого, для получения адекватной картины? Предполагаю, что никто из практикующих историков не даст утвердительного ответа на этот вопрос. А если бы сохранилась вся информация о прошлом, в состоянии ли историк ею овладеть? Думаю, что и здесь ответ, скорее всего, будет отрицательным, во всяком случае применительно к современному состоянию историографии.

Феноменологический когнитивный подход – новейшая методология. Многие поколения историков следовали иным парадигмам и, с современной точки зрения, неадек-

ватно понимали прошлое. Трудно предположить, что в настоящее время мы достигли, наконец, абсолютных вершин в методологии истории, и наше современное понимание прошлого вполне адекватно. Процесс исследования бесконечен, и вместе с новыми открытиями источников и совершенствованием методологии их анализа точное знание вновь и вновь отодвигается за горизонт, оставаясь недостижимым идеалом, в то время как в естественных науках точное знание в той или иной форме реально существует.

Медушевская настаивает на возможности выводного знания в истории, то есть на возможности по известному находить неизвестное. Такое действительно иногда случается. Так, антропологи по костям восстанавливают внешний вид человека, археологи по сохранившимся фрагментам – постройки и т.п., экономические историки реконструируют некоторые утраченные данные, например по потреблению урожая, исторические демографы – одни неизвестные демографические явления по другим, известным, и т.д. Но по большей части выводное знание в истории настолько приблизительно, что назвать его точным затруднительно.

У меня вызывает некоторое сомнение тезис, согласно которому интеллектуальные продукты всегда определяются *только мышлением* вовлеченных в их производство людей. Например, урожай, сельская передельная община, парламент – в той или иной степени интеллектуальные продукты и результаты определенного способа мышления. Но урожай – также и продукт деятельности природы (климата, почвы); сельская община – также и продукт высокой рождаемости, трудовой этики, низкой плотности населения, правительственной политики; Государственная дума – также и продукт политической борьбы, поражения в войне. Этику, политику, высокую рождаемость, климат, почву, низкую плотность населения, политическую борьбу, революцию и войну в некотором смысле можно рассматривать как интеллектуальные продукты. Высокая рождаемость – следствие определенных взглядов населения на контрацепцию и детей, отсутствие со стороны общества социальной помощи в старости. Климат в известной степени рукотворен, кроме того, он может сильно или слабо влиять на урожай в зависимости от уровня развития агротехники. Низкая плотность населения – результат определенного сознательного способа расселения; политическая борьба, революция и война – результат определенного способа политического мышления и т.п., но все же к мышлению людей не сводится.

Человеческая деятельность не только рациональна, но одновременно и иррациональна, то есть включает эмоции, предрассудки, страхи и т.п.; современная экономическая наука исходит из того, что принятие экономического решения всегда содержит элементы иррационального, понять которые намного труднее, чем рациональные. Сведение объекта исторического изучения к мышлению людей, вовлеченных в производство интеллектуальных продуктов, на мой взгляд, неоправданно сужает задачи исторического исследования. Когнитивный подход не является исчерпывающим, так как результаты деятельности человека, даже если их называть интеллектуальными продуктами и вещами, объясняются не только когнитивными особенностями их творцов. Однако ценность феноменологического когнитивного подхода в том, что он ориентирует исследователя (независимо от того, социальной, экономической или политической историей он занимается) на поиск причин явлений, институтов и учреждений в мышлении, в менталитете, в особенностях картины мира предков и их представлений.

На мой взгляд, объединение всех когнитивных наук, включая историческую, в один кластер *искусственно* снимает проблему специфики каждой науки относительно объекта, предмета и методологии анализа. Ведь в кластер входят такие разные науки, как: когнитивная психология, философия, логика, социология, историческая антропология, гносеология, лингвистика, компьютерные науки, теории искусственного интеллекта и нейропсихология, которые изучают переработку информации живыми и искусственными системами. В самой исторической науке такие разделы, как экономическая и демографическая история, имеют много специфического не только в методике, но и в методологии анализа, сравнительно с социальной и тем более политической

историей. Объединение всех исторических источников в один кластер под названием интеллектуальных продуктов, произведений, вещей или информационного ресурса (сферы или среды), мне кажется, также не снимает ни проблемы различий между разными видами источников, ни проблемы различий в методологии работы с информацией в исторической и других когнитивных науках.

Для меня как историка лестно думать, что среди когнитивных наук первое место принадлежит истории. Однако если предмет когнитивных наук – человеческое мышление, может ли истории, которая не изучает собственно мышление, принадлежать первое место? Вообще в монографии Медушевой не хватает определения понятия “мышление” (его нет ни в тексте, ни в глоссарии). Возможно, автор интерпретирует его, как и некоторые другие понятия, достаточно своеобразно, применительно к задачам своей теории, что и вызывает некоторые сомнения и вопросы. Напомню нормативное определение понятия. Мышление – опосредованное и обобщенное отражение действительности, вид умственной деятельности, заключающейся в познании сущности вещей и явлений, закономерных связей и отношений между ними. В психологии мышление – совокупность умственных процессов, лежащих в основе познания: внимание, восприятие, процесс ассоциаций, образование понятий и суждений.

При чтении монографии порой появлялось ощущение, что автор высказала не все свои интересные мысли и не успела довести свое исследование до конца. Мне, например, кажется, что за пределами монографии осталось *практическое приложение общей методологии когнитивных наук к исторической*. Однако и то, что Медушевская успела сделать, – научный подвиг, потому что ее когнитивно-информационная теория, во-первых, предлагает новую парадигму в науке, открывающей перспективы формирования доказательного гуманитарного знания, во-вторых, книга создавалась в советское время, то есть на протяжении почти семидесяти лет ее жизни была страшной ересью, за которую до 1953 г. грозил и арест, и ссылка, а до 1985 г. – исторжение из научного сообщества. Монография до некоторой степени вознаграждает отважную исследовательницу и является достойным ей памятником.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дунаева Ю.В. Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература // Реферативный журнал. 2009. № 1. Серия 5. История.

Ильин И.П. Постмодернизм. Словарь терминов. М., 2001.

Медушевский А.Н. Когнитивно-информационная теория в современном гуманитарном знании // Российская история. 2009. № 4.

Руднев В.П. Энциклопедический словарь культуры XX века. Ключевые понятия и тексты. М., 2001.

Kleinberg E. Haunting History: Deconstruction and the Spirit of Revision // History and Theory. Middletown, 2007. Vol. 46. № 4.

Spiegel G.M. Revising the Past / Revisiting the Present: how Change Happens in Historiography // History and Theory. Middletown, 2007. Vol. 46. № 4.

© Б. Миронов, 2011